

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

ДЕРЖАВШИЙ В РУКАХ СУДЬБЫ НАРОДОВ

Люди, победившие Наполеона, русские полководцы или “начальники военных наших сил”, как называл их Пушкин, всегда будут вызывать интерес и желание познакомиться с их судьбой поближе. Очерк известного исторического писателя Анатолия Парпары из его книги “12 героев войны 1812 года” интересен тем, что в новом свете раскрывает образ Михаила Семёновича Воронцова, который был не только знаменитым наместником Новороссии и Кавказа, но и храбрым генералом Отечественной войны 1812 года.

Кому же служить можно, если не служить графу Воронцову? Его воспитание, его счастливые способности всегда уважаемы будут достойно, и, конечно, никто затмить его не в состоянии.

Н. Н. Раевский

Действительно, рожденный грозно повелевать, он был терпеливым просветителем. Обладавший многими природными талантами, он долгое время не был востребован обществом для служения ему. Один из самых образованных людей во всей Европе, он был заклеен в сознании многих поколений как “полуневежда”. И всё-таки его жизнь удалась, ибо свою преобразовательскую деятельность, полководческие и дипломатические способности он поставил на службу любимой России. И пролил за неё одним из первых молодую кровь свою в сражении на знаменитейшем Бородинском поле. И прославлен был, как редкий кто другой. А знаменитое изречение его: **“Люди с властью и богатством должны так жить, чтобы другие прощали им эту власть и богатство”** — есть нравственное указание сегодняшней власти и богатым, которое не стыдно исполнить.

Будущий государственный деятель Российской империи Михаил Семёнович Воронцов родился в семье знатного дворянина 19 мая 1782 года, и судьба его была predeterminedена напутствием родного отца, Семёна Романовича, своему первенцу: “Рождение твоё всех нас порадовало, веди такую жизнь, чтобы все сокрушались о твоей смерти”.

Дед его Роман Илларионович Воронцов был сенатором и генерал-аншефом при Петре III и наместником нескольких губерний при Екатерине Великой. Брат деда Михаил Илларионович Воронцов был канцлером Российской

империи. Дядя его, Александр Романович, президент Коммерц-коллегии и будущий канцлер Российской империи, благородный человек с независимым характером, оказал на племянника большое нравственное влияние. Среди трёх сестер отца была и знаменитая Екатерина Романовна, в замужестве княгиня Дашкова, директор Петербургской Академии наук и президент Российской Академии. Отец, Семён Романович Воронцов, человек высоких нравственных достоинств, был талантливым полководцем, но вынужден был уйти на дипломатическое поприще. Он служил под началом знаменитого военачальника П. А. Румянцева. Это о его стратегических способностях писал великий Суворов: “Тактика ваша должна быть в кабинетах всех государей”. Он любил армию, высоко оценивал храбрость русских солдат, изучил в совершенстве военное дело. Свидетельством понимания им забот и нужд армии стали “Записки графа С. Р. Воронцова о русском войске”.

Вскоре после рождения первенца императрица Екатерина Великая, крестная мать малыша, просит Семёна Романовича, который знал несколько европейских языков в совершенстве, возглавить только что созданную русскую миссию в Венеции. Оценив его дипломатические возможности, императрица предлагает Воронцову пост посланника в двух европейских столицах на выбор. Семён Романович выбирает Лондон, ибо считал, что Англия более надёжный союзник России, нежели Франция. К тому же его старший брат А. Р. Воронцов также был в своё время послом России в Лондоне.

По свидетельству одного из биографов светлейшего князя Михаила Семёновича Воронцова О. Ю. Захаровой, его отец изначально определил основную цель в воспитании сына – **прославление рода на поприще государственной службы, а лучшим наследством для него считал – привитие понятия чести**. Честь, доблестное служение не столько престолу, сколько Отечеству, ответственность перед памятью предков и перед потомками – таковые понятия для этой даровитой семьи были культом и смыслом жизни.

22 мая (2 июня) 1785 года полномочный министр Российской империи граф С. Р. Воронцов с сыном и дочерью (супруга Екатерина Алексеевна умерла от чахотки в августе 1784 года) переезжает в столицу Англии.

Начались дипломатические будни, в которых любовь к детям не теряется, а любовь к родному языку и память о родине, благодаря заботам отца, нежно и уверенно входит в их сознание. Семён Романович делится со старшим братом своими размышлениями о воспитании детей в письме от 1792 года: “Страна, где я нахожусь, представляет благоприятные условия для воспитания детей, чем они и пользуются; я же считаю священной и отрадной для себя обязанностью доставить сыну все возможные способы служить впоследствии с пользой своему Отечеству”.

К шестнадцати годам Михаил Воронцов завершил курс домашнего образования. В него входило обучение языкам: английскому, французскому, русскому, немецкому, греческому и латыни. Большое внимание уделялось чтению церковных книг. Семён Романович справедливо полагал, что в этих книгах заложены основы современного русского языка. Юноша переводил трактаты Цицерона, читал “Илиаду” и “Энеиду”, французские сочинения в подлиннике. И говорил на русском без акцента. Чтение на русском составляли книги Ломоносова, Сумарокова, Державина, Карамзина, Княжнина, Хераскова. Увлечение поэзией развило в нём любовь к родному языку. Полюбил юный граф и русские народные песни. Он был уже готов для встречи с родиной.

В начале мая 1801 года восемнадцатилетний Михаил Воронцов приезжает в Петербург. Граф А. А. Завадовский пишет в Лондон отцу о молодом Воронцове: “Чем больше познаю его, больше удостаиваюсь в том, что ты отец – пресчастливейший. Брат твой любит им, и всяк, кто его видит, не обинуется сказать: вот образец воспитания! Кроме прочего, и то понятно в нём, что вывезен будучи грудным младенцем из России, говорит и чисто, и свободно русским языком, как бы вырос на Руси. Я радуюсь и тому, что он в первый раз видит Отечество в такое время, когда и природный англичанин не унывал бы в нём”.

С ним перекликается своим восхищением и граф Ф. В. Ростопчин: “Не нужно было иметь много проницательности, чтобы подметить в вашем сыне все добрые отцовские качества: это увидел бы и всякий посторонний человек. Более всего поразила меня в нём нравственная чистота, спокойствие, ровность в расположении духа и основательное суждение”.

Примечательно, что, подавая прошение о приёме на воинскую службу, Михаил Семёнович не воспользовался своим правом на камергерское звание, пожалованное ему в 1798 году Павлом I. Так что он начал 2 октября 1801 года своё блистательное служение отечеству не генералом, а поручиком. По личной просьбе он был определён в Преображенский полк, где сорок лет назад служил его отец.

Тяготясь обычным церемониалом столичного несения воинских обязанностей: парадами, маршировкой, он настоял на переводе своём в Грузию, где шли военные действия с горскими племенами. Уже в октябре 1803 года он начал служить на Кавказе под командованием знаменитого полководца, ученика Суворова князя П. Д. Цицианова. А ещё через месяц участвовал в первом военном сражении против войск хана Джевада, который своими дерзкими набегами сильно осложнял жизнь закавказских народов. 2 декабря русские войска под предводительством князя Цицианова начали штурм крепости Гянджа, которая тогда была центром северных владений Персии. Двадцатилетний поручик показал себя смелым и находчивым офицером в воинском деле, за что и был удостоен ордена Святой Анны 3-й степени. Он вынес с поля сражения раненного в ногу капитана П. С. Котляревского, одного из выдающихся русских офицеров, будущего генерала от инфантерии. В течение сорока лет их дружба была примером настоящего воинского братства.

Война с Персией разгорается и будет продолжаться целое десятилетие. М. С. Воронцов участвует не только в осаде Гянджи, но и в Эриванской экспедиции Цицианова и в походе в Осетию. Отважного офицера повышают в чине и награждают за проявленную храбрость в сражениях орденами Святого Владимира 4-й степени с бантом и Святого Георгия 4-й степени. В марте 1805 года капитан Воронцов приезжает на излечение в Москву, но уже в мае начинает свою службу в Преображенском полку командиром роты 3-го батальона. Тяготясь, как и прежде, гарнизонной жизнью в Санкт-Петербурге, он с сожалением вспоминает горячие дни боевых действий на Кавказе. В письме к своему другу офицеру Д. В. Арсеньеву он пишет: “Я так был во всём счастлив в этом краю, что всегда буду помнить об этом с крайним удовольствием и охотно опять поеду, когда случай и обстоятельства позволят”.

...Руководство Российской империи давно и настороженно следили за происходящим в революционной Франции. И когда в августе 1805 года Великая армия стала покидать Булонский лес, в котором проходило её формирование, в движение пришли не только австрийские войска, но и русские, спешившие на помощь своим союзникам. Участвовали в этой зарубежной экспедиции две армии под начальствами Кутузова и Буксгевдена.

Вскоре пришло извещение о битве при Аустерлице, о проигранном сражении, о заключении позорного мира с Наполеоном. Михаил Семёнович бурно переживал произошедшее: “Бонапарт снова празднует победу благодаря хитрости и коварству, или, лучше сказать, благодаря низости и унижению Австрии и Пруссии. Все это несомненно. Мы живем в отвратительном столетии, и Господь знает, когда это изменится”.

В 1806 году война возобновилась, и Пруссии потребовалась военная помощь России. Две армии под началом Буксгевдена и Беннигсена вновь спешили на помощь пруссакам.

14 декабря состоялось сражение под Пултуском, в котором участвовал и М. С. Воронцов, за отличие в оном и был произведён в полковники. После назначения командиром 1-го батальона Преображенского полка он сражается при Гутштадте, у Хайльсберга. 2 июня 1807 года русская армия после неудачного сражения у Фридланда вынуждена была перейти Неман и вернуться в свои пределы.

В Тильзите, где велись переговоры между двумя императорами, М. С. Воронцов со своим батальоном Преображенского полка находился при государе России и близко наблюдал в течение двенадцати дней Наполеона.

Но Тильзитский мир не принёс спокойствия ни Франции, ни России, ни Пруссии. Армии готовились к будущим сражениям, дипломаты трудились над тем, чтобы агрессия выглядела мирной демонстрацией, и находили обтекаемые слова для успокоения своих народов.

Наполеон, желая ослабить Россию, сделал всё для того, чтобы Турция ещё в декабре 1806 года объявила войну России, требуя подчинения себе Дунайских княжеств и пытаясь подавить восстания славянских народов на своей

территории. До поры до времени действия малочисленной русской армии были сдерживающими, но, спустя два года, предвидя грядущую войну с Наполеоном, было решено покончить с турецкой угрозой.

Граф Воронцов во главе Нарвского пехотного полка в конце 1809-го поступает в распоряжение главнокомандующего князя Багратиона. А с конца марта, когда возобновились военные действия, он направлен под начало генерал-лейтенанта графа Н. М. Каменского. В мае участвует в штурме крепости Бажарджик, за активное участие в котором был произведён в генерал-майоры.

Ему предстоит ещё немало сражений: под Варною, под Шумлоу, под Батыном. И везде полк, которым командует двадцативосьмилетний генерал-майор Воронцов, был отмечен за успешные военные действия.

Известный военный историк А. А. Керстовский отмечает в своей «Истории русской армии»: «Кампания 1810 года увенчалась полным успехом. Дунайские крепости взяты, живой силе турок нанесен ряд чувственных ударов. Сербия спасена победами генерала Засса под Береговыми и вождя сербов Кара Георгия под Козницей. К концу 1810 года ни одного свободного турка не оставалось на сербской земле».

В следующем году Воронцова переводят в Задунайскую армию Кутузова, в которой он сражается с такой же вызывающей уважение воинов храбростью. Следуют победные сражения под Рушукком, под Калафатом, у деревень Капитаница и Кирымбек. За сражение под Виддиным молодой генерал-майор был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. Он доказал своей выдающейся службой, что отец его воспитал в нём настоящего русского воина, неустрашимого и с ясной головой.

Вне сомнения, для современного читателя представляет особый интерес разговор дипломата князя А. Б. Куракина с Наполеоном 16 июня 1810 года во Франции, ставший известным из посланной им депеши Государственному канцлеру России графу Н. П. Румянцеву. Император Франции расспрашивал его о графах Воронцове и Маркове. Узнав о смерти А. Р. Воронцова, Наполеон спросил: «А брат его всё ещё в Англии? Он, стало быть, не русский». Куракин объяснил пребывание С. Р. Воронцова в Лондоне нездоровьем, но заметил с нажимом, что его сын приехал в Россию. «При этом он отказался от камергерского звания, определился на службу и отправился воевать на Кавказ, где отличился во многих боях». — «Этот, стало быть, русский», — сказал Наполеон.

В середине июня 1812 года интернациональная армия Наполеона переправилась на другую сторону Немана. Российская сторона встретила её безмолвием. 2-я армия, которую возглавлял генерал князь Багратион, получила приказ двигаться к Смоленску для соединения с 1-й армией под началом генерала Барклая-де-Толли. 2-я сводно-гренадерская дивизия графа М. С. Воронцова по замыслу главнокомандующего обязана была поддерживать кавалерию арьергарда, который состоял из казаков атамана М. И. Платова и генерала И. В. Васильчикова. Отступление было тягостным, но не скучным, ибо случилось немало боевых столкновений с кавалерией противника. Таковы были сражения при Мире и Романове, знаменитое дело под Салтановкой, и везде наши войска брали верх над неприятелем, но вынуждены были отступать перед превосходящей силой противника.

И вот настал День Бородина, великий день девятнадцатого столетия, день славы русского оружия. Наш герой так писал о преддверии этого дня: «Когда мы встали позицией у Бородино, мне было приказано прикрывать наш левый фланг, где 24 августа у нас произошло серьёзное столкновение с неприятелем. Войска первой линии несли очень чувствительные потери, моя дивизия их заменила, а на следующий день, предшествующий великой битве, я получил приказ занять и защищать три флеши, которые были сооружены для прикрытия нашего и левого фланга, наиболее слабого участка линии наших войск».

Получив сведения о тяжёлом положении наших войск, Багратион направляет на помощь 2-ю гренадерскую дивизию генерал-майора К. Мекленбургского и 2-ю сводную гренадерскую дивизию генерал-майора М. С. Воронцова. Вместе с пехотинцами Неверовского и егерями они бросились в бой и быстро освободили редут, уничтожив при этом целый батальон 61-го линейного полка французов.

На другой день, когда император Наполеон “производил смотр этому полку, — пишет граф Сегюр, — он спросил о том, где 3-й батальон”. “Он на ре-
буде!” — таков был ответ.

На следующий день для защиты Семёновских флешей, имевших важное значение для успешного хода сражения, были направлены две дивизии, одни из лучших в русской армии: 2-я сводная гренадёрская дивизия генерал-майора Воронцова и 27-я дивизия генерал-майора Д. П. Неверовского. Этим дивизиям общей численностью в 8 тысяч человек при 50 артиллерийских орудиях противоборствовали 7 пехотных и 8 кавалерийских дивизий французов. Поддерживаемые огнём двухсот орудий, наполеоновские войска, возглавляемые знаменитыми маршалами Неем, Мюротом, Даву, трижды атаковали Семёновские флеши. (По подсчётам историка В. Н. Алексеева, в третьей атаке участвовало 30 тысяч французов против 16 тысяч русских защитников.) Бой был жестоким.

Михаил Илларионович Кутузов доносил императору Александру I о сражении на Бородинском поле 26 августа: “...огонь на левом крыле час от часу усиливался... Артиллеристы, с мужественным хладнокровием выждав неприятеля на ближайший картечный выстрел, открыли по нём сильный огонь, равномерно и пехота встретила его самым пылким огнём ружейным, но поражение их колонн не удержало французов, которые стремились к своей цели и не прежде обратились в бегство, как уже граф Воронцов с сводными гренадёрскими батальонами ударил на них в штыки; сильный натиск сих батальонов смешал неприятеля, и он, отступая в величайшем беспорядке, был всюду истребляем храбрыми нашими воинами. При сем нападении граф Воронцов получил жестокую рану и принужден был оставить свою дивизию...”.

Уважаемый читатель простит мне ещё одну, длинную цитату, ибо она принадлежит герою нашего рассказа и характеризует его как умного и неамбициозного человека. Спустя годы Воронцов так вспоминал об этом дне: “Что касается личных воспоминаний о Бородинском сражении, у меня нет никакого письменного документа, а длинный промежуток времени, отделяющий нас от этой эпохи, заставляет меня опасаться войти в подробности, которые могли перемешаться в моей памяти. Я был ранен в этом сражении, дивизия, которою я командовал, совершенно уничтожена, и я даже не представил вовсе донесения о принятом нами в нём участии. В день главного сражения на меня была возложена оборона редутов первой линии на левом фланге, и мы должны были выдержать первую и жестокую атаку 5–6 французских дивизий, которые одновременно были брошены против этого пункта; более двухсот орудий действовали против нас. Сопротивление не могло быть продолжительным, но оно кончилось, так сказать, с окончанием существования моей дивизии. Находясь лично в центре и видя, что один из редутов на моём левом фланге потерян, я взял батальон 2-й гренадёрской дивизии и повёл его в штыки, чтобы вернуть редут обратно. Там я был ранен, а этот батальон почти уничтожен. Было почти 8 часов утра, и мне выпала судьба быть первым в длинном списке генералов, выбывших из строя в этот ужасный день. Два редута были потеряны и снова отняты обратно. Час спустя дивизия не существовала... **Из 4 тысяч человек на вечерней проверке оказалось менее 33, из 18 штаб-офицеров — трое и лишь один из них не был ранен.** Эта горстка храбрецов уже не могла составлять дивизии и была распределена по разным полкам.

Мне перевязали рану прямо на поле, извлекли пулю и первые три или четыре версты меня везли в небольшой крестьянской телеге, одно из колёс которой было сбито пушечным ядром; и мы умудрились ехать на оставшихся трёх... Вот всё, что я могу сказать о себе лично и о моей дивизии по отношению к кампании 1812 года. Мы не совершили великих дел, но в наших рядах не было ни беглецов, ни сдавшихся в плен”.

Рана молодого генерала был чувствительной. Граф Фёдор Ростопчин в своих записках отмечал: “...Если бы не сила и здоровье его организма, он умер бы вследствие своей раны. Когда ему делали перевязку прямо на поле и извлекли пулю, то отвезли пострадавшего героя до его коляски, вокруг которой он увидел среди тяжело и легко раненых и своих друзей. Особенно было обидно ему за вскоре скончавшихся от ран князя Багратиона и генерал-лейтенанта Тучкова, которые были в молодости друзьями, но ушли в мир иной недругами”.

Семёну Михайловичу Воронцову пришло в Лондон извещение, в котором говорилось о гибели почти всей 2-й сводно-гренадёрской дивизии и ранении сына: “Возблагодарим Создателя, сохранившего нам графа Михаила, одного из самых первых и главных спасителей Отечества, честью и славой которого он не замедлит сделаться. Это общее о нём мнение, и он доказал, как оно справедливо”.

Об обстановке в лазарете, который был устроен в имении графа в селе Андреевском к востоку от Москвы по инициативе Воронцова для раненых солдат и офицеров и на его кошт, лучше всего говорят записки А. Я. Булгакова: “Несмотря на то, что Воронцов не мог передвигаться без костылей, он каждое утро навещал всех своих гостей, интересуясь их здоровьем, и всем ли они довольны. Как было сказано, каждый мог обедать за общим столом или один в своей комнате, но все, кому позволяли раны, предпочитали обедать с графом. После обеда вечером занимались все разговорами, курением, чтением, бильярдом или музыкой. Общество людей совершенно здоровых не могло быть веселее всех сих собравшихся раненых”.

Опасность захвата Андреевского появилась, когда стало известно, что маршал Ней с 14-тысячным отрядом вошёл в Богородск (ныне Ногинск). Но, к счастью, у него не хватило сил для наступления. Раненые продолжили лечение, а граф М. С. Воронцов, выздоровев, покинул своё имение ради службы Отечеству, нагнав армию лишь при переходе через границу.

Он продолжал честно служить в армии и одерживать военные победы, взяв Бромберг и Познань. Участвовал он и в знаменитой “битве народов” под Лейпцигом, продолжавшейся с 4-го по 7 октября 1813 года. И был отмечен повышением в чине и высокими наградами. Битва под французским городком Краоне принесла ему настоящую славу, она стала “украшением боевой службы графа Воронцова”.

После окончания войны с Францией император Александр I назначает генерал-лейтенанта Воронцова командующим оккупационным корпусом во Франции. В Высочайшем рескрипте от 12 сентября 1815 года по этому поводу было сказано: “Моё доверие, которым Вы столь заслуженно пользуетесь, усердие и военные таланты, проявленные Вами в последних войнах, равно как и особые старания, неизменно прилагавшиеся Вами для поддержания самой строгой дисциплины во вверенных Вам войсках, – всё это побудило меня при назначении командующего этим корпусом отдать предпочтение Вам, поскольку я уверен, что Вы найдёте здесь новый случай оправдать уважение, которое Вы снискали, и сложившееся о Вас доброе мнение...”.

Пятилетнее служение России во Франции, милостивое отношение к побеждённым, благородство натуры Воронцова – тема особого разговора.

В Петербурге неоднозначно оценили годы, проведённые Воронцовым во Франции, где командующий отдельным русским корпусом, подчинявшийся напрямую Государю, должен был заниматься не только размещением частей, финансовыми проблемами, выучкой своих дивизий и казачьих полков, сохранением их боеспособности, но и бороться на свой страх и риск “против немецкого превращения солдат в машины”. А также – вникать в сложные проблемы администрирования в чужой стране. В русской столице боялись, что солдаты, оторванные от родины, могут поддаться чужеземному влиянию и проникнуться якобинском духом. По словам австрийского канцлера Меттерниха, император Александр не хотел оставлять во Франции даже 10 тысяч военнослужащих, боясь, что они перейдут к врагу.

Забываясь о своих подчинённых (многие из них были безграмотными), Воронцов стал обучать своих солдат грамоте, а офицеров – языкам вначале в обычных школах, а потом в училищах по ланкастерской системе обучения. В России было известно, что этим методом обучения заинтересовались, будучи ещё в 1814 году в Париже, Ф. И. Глинка и Ф. Н. Толстой. Они и создали в Санкт-Петербурге “Общество учреждения училищ по методу взаимного обучения”. Руководители этого общества были масонами, входившими в ложу Избранного Михаила, основанную в 1815 году в Санкт-Петербурге под главенством верховной ложи “Астреи”. Товарищем, то есть заместителем председателя её, был Ф. И. Глинка. Членами “Астреи” были многие высокопоставленные чиновники империи.

Такая же ложа открылась и в Мобеже (провинция Шампань). Сведений о том, что граф принадлежал к её членам, нет, хотя в ней состояли некоторые

его офицеры, такие, как полковник Д. В. Нарышкин, адъютанты Воронцова князь В. С. Голицын, князь А. Я. Лобанов-Ростовский, И. Т. Ягницкий и другие.

А. П. Ермолов, чьё имя также не раз пытались причислить к масонству, писал общему с Воронцовым другу генералу А. А. Закревскому: “Много раз старались меня вовлечь в общество масонов, я не опровергаю, чтобы не было оно весьма почтенно, но рассуждаю как простой человек, что общество, имеющее цель полезную, не имеет необходимости быть тайным”.

Конечно, Михаил Семёнович знал о подозрении царских властей, о желании упрекнуть его в своеволии, но был уверен в том, что они имеют ложное представление о его трудах во Франции. Таким людям он честно отвечал: “Совесть меня ни в чём не упрекает, корпус поддерживал в течение трёх лет и даже возвысил честь имени русского, при том остался совершенно русским, не потерял ни в чём привычек, ни обычаев своей родины”.

Посетивший его в июне 1818 года знаменитый московский градоначальник граф Ф. В. Ростопчин красноречиво подтвердил в своём письме на родину сказанное Воронцовым: “. . . я у графа Воронцова побыл шесть дней, воображая, что я был в России, ибо Мобез столько же русский, как Клин и прочее; квас, сбитень, везде речи русские, брань наша. Дрожжи разъезжают, песни, пляска и даже вывески на лавках русскими литерами и словами написаны. Воронцова боготворят и наши, и жители, он строг, но справедлив и доступен”.

4 ноября того же года оккупационный корпус завершил своё пребывание во Франции и выступил на Родину. Командующий, хотя и ворчал, что выходят полки в такое время года, но был доволен, что покидает “чужую, не благословенную землю”, сохранив в целости вверенный ему корпус и с минимальными (всего 3% из 30 тысяч военнослужащих) потерями. “Когда меня здесь оставили, то такого успеха не ждали, впрочем, я знал, что за это спасибо не скажут, хотя в случае противном вся ответственность легла бы на меня”.

Огорчённый несправедливыми подозрениями, генерал-лейтенант решает выйти в отставку. Доведя корпус до границы с Россией, Михаил Семёнович в январе 1819 года уезжает обратно в Париж. Там он знакомится с графиней Е. К. Браницкой и делает ей предложение. В апреле во французской столице состоялось обручение молодых. Посаженым отцом был благоволивший Воронцову английский герцог Веллингтон, разгромивший Наполеона при Ватерлоо, бывший главнокомандующий союзными войсками во Франции.

Русский оккупационный корпус по возвращении на родину был расформирован по другим частям. Почему? Возможно, подобное решение власти объяснит цитата из записок Н. А. Бестужева, который встречался с солдатами этого корпуса ещё в 1817 году: “. . . самый наш рейс до Кале и возвращение от него в Россию дал обильною струёю благотворительную влагу для росту семян либерализма. . . Большая часть, даже из самых дубоватеньких офицеров, даже истёртый службою батальонный командир майор Карлович, только что женившийся на молодой французенке, все они утратили этот вечно присущий русской армии солдатизм и либеральничали напропалую. Тем более этот дух проявился в высшей иерархии корпуса Воронцова, между офицерами его штаба, с которыми мы очень сблизились и неразлучно провели всё время до самого нашего отправления из Кале. Понятно, почему весь этот корпус по возвращении его в Россию был раскассирован”.

Но вскоре стали приходить известия от их командиров о высоком умении полков как в сражениях на Кавказе, так и на учениях. Изменилось и отношение к командующему. В ноябре 1820 года император Александр встречается с Воронцовым, хвалит его полки, считает их образцовыми. Михаил Семёнович, успокоенный Высочайшим вниманием, принимает решение не уходить в отставку. Генерал А. П. Ермолов радостно пишет А. А. Закревскому: “Он может иметь минутная неудачи, но несправедливо бы не пользоваться его способностями и достоинствами, и он всегда будет человеком подобным”.

Ещё два года он находится в отпуске, а затем император, догадываясь о желании Воронцова жить и трудиться на юге, призывает полководца и администратора снова на царскую службу, чтобы использовать его выдающиеся способности уже в ином, более значительном, качестве – генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской области.

Население этой южной провинции состояло из трёх губерний: Екатеринославской, Херсонской, Таврической, и Бессарабии. Земли их простирались

на 20 миллионов кв. десятин. Население их составляло 2 миллиона человек. На этой территории располагалось 52 города и более шести тысяч сёл и деревень. Столицей этого обширного края стала богатая и шумная Одесса, получавшая большую выгоду от того, что иностранные и отечественные товары при ввозе из-за границы и вывозе не облагались налогом. А. С. Пушкин писал в “Евгении Онегине”:

*Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит на улице весёлой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжёлый...*

Император Александр, предоставив Воронцову полную свободу действий, ожидал от него большую пользу, ибо знал, что граф является “любителем всего полезного”. Здесь и развернулись яркие способности вошедшего в зрелость графа Воронцова. Не случайно давний приятель его отца – Н. М. Лонгинов писал Воронцову-старшему в Лондон: “Стоит взглянуть на карту России и на политическое и естественное положение этого обширного края, чтобы понять, какую великую и неисчислимую пользу может принести такой человек, как ваш сын, граф. Я повторю слова графа Кочубея, который писал ему, что если он может поздравить его с таким назначением, то ещё больше поздравляет край с таким начальником. Дай Бог России побольше подобных ему губернаторов”.

Подобрав себе талантливых сотрудников, таких как бывший адъютант его, полковник А. И. Казначеев, ставший градоначальником Одессы (это он заметит вскоре талант юного И. К. Айвазовского и поддержит его), Ф. И. Брунов, П. Я. Марини и другие, генерал-губернатор М. С. Воронцов начинает свою просветительскую деятельность.

Но вначале он столкнулся с несправедливостью и алчностью чиновников как Одессы, так и Кишинёва. Н. М. Лонгинов писал: “Инзов (временно исполнявший обязанности генерал-губернатора) самый плохой старик, ибо никогда не дал себе труда вникнуть в явные происшествия, только что вёл обыкновенные бумаги... Не могу вам описать всех тех мерзостей и беспорядков, которые тут мы нашли по всем частям. Законы в бездействии; финансы в запустении и бессчётности; народ в угнетении; полиции и страсти деспотствуют; варварство на каждом шагу”.

Оглядывая мысленным взором содеянное М. С. Воронцовым, поражешься, как много ему удалось создать. Он пустил первые пароходы в этом крае, наладил регулярные рейсы из Одессы в Ялту и Херсон, а затем и в Константинополь, построил первую железную дорогу Кишинёв–Сороки. Любитель природы, он сделал всё возможное для развития в крае виноградарства и овцеводства, за свой счёт покупая элитные сорта винограда во Франции и скот в Англии.

Через четверть века в этих губерниях было создано более 30 тысяч виноградников, 50 тысяч садов, 70 тысяч огородов и бахч. Южный край превратился в огромный плодоносящий сад. Это он предложил русским купцам продавать льняное семя англичанам, что стало крайне выгодным делом.

Воронцов в своих имениях в Крыму, выращивая виноград и фрукты, завёл винные погреба, стал производить шипучие вина. Из оливковых плодов – оливковое масло. Его примеру последовали многие. Земли в Крыму и Новороссии резко пошли в цене. Стала расти перерабатывающая промышленность. С появлением пароходов и металлургических заводов возросла необходимость в угледобывающей промышленности. Губернатор и здесь пошёл навстречу: организовал разведку ископаемых, добычу их и доставку. Чем и погасил зависимость от английского угля. Для развития текстильной промышленности в Бессарабии Михаил Семёнович добился льгот для фабрикантов.

Когда в 1828 году в Одессе было учреждено Императорское Общество сельского хозяйства Южной России, то первым его председателем был избран М. С. Воронцов. В том же году по инициативе графа был построен па-

роход “Одесса”, который совершил переход в Евпаторию, везя грузы и пассажиров. В дальнейшем, вместе с адмиралом А. С. Грейгом, командиром Черноморского флота, они стали создавать военные корабли (к тому времени старые потёмкинские сгнили). В 1825 году – первый в России 14-пушечный пароход “Метеор”, в следующем – “Молния”. В 1831-м был построен пароход “Нева”, который открыл своим рейсом путь из Одессы в Константинополь.

Кораблям нужны были порты приписки. М. С. Воронцов строит с 1828 года морской порт в Ялте, с 1835-го – порт и город Бердянск. Он облагородил Одессу, выстроив ряд каменных домов на Приморском бульваре, возвёл оригинальное здание биржи, поставил памятник первому губернатору герцогу Э. О. Ришелье, соорудил ставшую украшением города гранитную лестницу, соединившую Приморский бульвар с портом.

Великолепный вкус и понимание красоты зодческого искусства Михаил Семёнович проявил, возводя свой дворец в Алушке. Он и сегодня великолепен, этот Алушкинский дворцово-парковый заповедник.

Прославлено имя графа Воронцова и как ревнителя народного просвещения. Мы помним, как он заботился о грамотности солдат и офицеров оккупационной армии во Франции. Такие же ланкастерские училища были им созданы и в Бессарабии в восьми городах. В 1827 году при Симферопольской гимназии открылось татарское училищное отделение. В Одессе было построено в 1828 году училище восточных языков, выпускники которого стали переводчиками со знанием турецкого и персидского языков. В Керчи через пять лет открылся Институт для девиц, в 1834 году в Херсоне – училище торговых моряков, в 1843 году в Одессе – для глухонемых. В 1831 году там была открыта Публичная библиотека, а через 15 лет просветитель подарил ей 368 раритетных томов. В 1839 году в Одессе было создано Общество истории и древностей, которое избрало своим почётным членом Михаила Семёновича. При непосредственном участии губернатора в Одессе (1825 г.) и Керчи (1826 г.) были созданы музеи древности. В 1840 году Одесское общество истории и древностей открыло свой музей, куда граф Воронцов передал коллекцию подаренных ему монет. Немалые деньги свои тратил Михаил Семёнович на содержание итальянской оперы в Одессе. В 1846 году в городе был основан и русский театр, в котором выступал знаменитый Михаил Щепкин.

С 1823 года стал выходить новый журнал “Одесский вестник”. Корреспондентами его были известные в крае люди: от чиновников администрации губернатора до частных лиц. Печатался в нём и сам Воронцов. Через 10 лет появилась прибавление к “Вестнику” под названием “Литературные листки”. В 1832 году при попечительстве графа Воронцова и под редакцией П. Т. Морозова стал издаваться “Новороссийский календарь”. Кстати, уже будучи наместником на Кавказе, Воронцов не оставляет свои просветительские планы и кладёт начало изданию газеты “Кавказ”, выходившей на русском и армянском языках. В 1847 году в Тифлисе стал выходить “Кавказский календарь”.

Надо отдать должное природному уму и такту генерал-губернатора, который помогал и татарам, и казакам, и евреям, и грекам, которые нуждались в помощи, если они были люди честные и работоспособные. Его усилия по улучшению жизни вверенного ему края увенчались успехом. За тридцать лет управления им население Новороссии увеличилось вдвое, возросло и число городов, казачьих станиц и деревень. Край действительно стал цветущим.

Ещё в 1837 году, посетив вверенный М. С. Воронцову край, император Николай I написал в рескрипте, вручённом 30 сентября, благодаря генерал-губернатора за заботу и неусыпные труды: “Посетив ныне, после 9 лет, город Одессу, я с удовольствием нашёл в нём столичный порядок. Значительное распространение и возведение многих красивых зданий свидетельствуют о цветущем оною состоянии. С равным удовольствием посетил я вновь Крым, после 21 года, и искренне радовался, видя быстрые успехи в устройстве этого края, столь обильного средствами к внутреннему благосостоянию, коему непременно способствовать будет отлично исполненное устройство по Южному берегу Крыма прочных и удобных дорог”.

Когда в ноябре 1844 года император Николай I предложил графу Воронцову стать наместником своим на Кавказе, ибо он соединяет, по слову Государя, “с известными военными доблестями опытность в гражданских делах”, то шестидесятидвухлетний сановник отвечал: “Я стар и становлюсь дряхл, не много жизни во мне осталось; боюсь, что не в силах буду оправдать ожида-

ния Царя; но русский Царь велит идти, и я, как Русский, осенив себя знаменем креста Спасителя, повинуюсь и пойду". Он понимал, что русские дела на Кавказе идут плохо, что Шамиль расширяет своё влияние, проповедуя гавзават — войну против "неверных" — в пределах Чечни и Дагестана. И взять на себя дополнительные обязанности в этом спрессованном страстями регионе — труд тяжкий, неблагодарный и опасный для разумного завершения служения России. Слишком много сил отняло у него двадцатилетнее подвижничество по обустройству южных земель.

Но и Николай I знал, что среди многочисленного генеральского окружения не много найдётся достойных людей для выполнения такого важного для государства дела. И если в своё время старшему брату его Александру I пришлось выбирать по рекомендации графа Аракчеева между Ермоловым и Воронцовым для назначения командующего оккупационным корпусом во Франции, то в эти дни выбор был ограничен одним Воронцовым. Император, настаивая на своём, дал наместнику широчайшие полномочия, поставив командующим Отдельным Кавказским корпусом и сохранив за ним генерал-губернаторство Новороссии и Бессарабии. Михаил Семёнович подчинился.

Первым, к кому он обратился за помощью ещё из Санкт-Петербурга, был любезный друг Алексей Петрович. И как могло быть иначе, если ещё тридцать лет назад командир Грузинского (потом Кавказского) корпуса Ермолов проводил разговоры с ним об этом назначении. Говоря о полном доверии императора, Воронцов был уверен в том, что он помолится "за старого товарища, чтобы он поддержал имя Русское в стране, где ты столько лет прославлял оное". Михаила Семёновича заботили три вопроса: положение русских войск на Северном Кавказе; Чечня и Дагестан, а также мусульманские и Персидские провинции. "Всё, что ты пришлешь по этим трём отношениям, всё, что ты ещё прибавишь, будет принято мною с истинною душевною признательностью". Ермолову он доверял безгранично.

Санкт-Петербург был очень озабочен успехом войска Шамиля и спланировал операцию по окончательному разгрому его отрядов. Для этой цели и был востребован Воронцов с его полководческими способностями. Но старый воин понимал, что для замирения Кавказа нужны не военные победы, которые возбуждают у побеждённых чувство отмщения, а переговоры, привлечение населения при помощи обдуманных договорённостей. Но Петербург хотел победы немедленно.

Через полгода после приезда в Тифлис Воронцов лично возглавил спланированный заранее поход на столицу горцев Дарго. Насколько представлял старый солдат результаты этого навязанного ему решения, говорит цитата из письма Ермолову от 26 мая 1845 года: "Боюсь, что в России вообще много ожидают от нашего предприятия; но ты хорошо знаешь положение вещей и особливо местности. Надеюсь, что мы ничего не сделаем дурного; но весьма может статься, что не будет возможности сделать что-нибудь весьма хорошее, лишь бы нашей вины тут не было. Можешь себе вообразить, как пламенно желаю найти возможность сделать какую-нибудь удачу; последствия от онога были бы самые важные и благоприятные; но не могу не признаться, что ежели Шамиль так умён, как уверяют, то он нам такого случая не даст".

Этот поход стоил русским войскам больших потерь и мог бы закончиться трагически, если бы не мужество военачальников и солдатская самоотверженность и храбрость, вера в победу и личный пример командующего войсками в условиях невероятной сложности. Воронцов писал Ермолову 1 августа 1845 года: "... Я увидел не без сожаления, что Шамиль, понимая очень хорошо, что нам противиться не может, открыто взял систему, немного похожую на нашу 1812 года, и уступал весь атакованный край, разоряя и выжигая деревни, в надежде вредить нам при отступлении, поелико нам зимовать там было невозможно. Жителям это было очень больно, и некоторые даже военною рукою ему в этом сопротивлялись; но сила его и приверженность мюридов так велика, что никто не мог помешать ему в его намерении... Со всем тем главный результат от входа в горы, то есть покорение жителей, мы не приобрели: они ушли в разные места с семействами, на нас не восставали и Шамилю почти ни в чём не помогали; но страх его казни, как меч Дамоклеса, постоянно вертелся перед глазами их, и никто не смел к нам присоединиться".

Продолжая начатое Ермоловым наступление на леса Чечни, Воронцов посылал на вырубку леса солдат, затем строились дороги, возводились крепо-

сти. Таким образом, сжималась территория, подчинённая Шамилю. Вместе с тем и военные действия стали осмысленнее и порадовали несомненными успехами. Так, вылазка Шамиля в Кабарду в апреле 1846 года была отбита с большим уроном для противника. А ещё через год Дагестан был приведён под руку русского императора. 7 июля 1848 года пал после годовой осады Гергебль. Что бы ни делал Шамиль, он везде стал получать достойный отпор.

В дальнейшем Воронцов действовал мирным путём, договариваясь с главами племён и селений, устанавливая государственный порядок в подчинённом ему крае. Это был медленный путь установления доверия к центральной власти, требовавший и законодательных утверждений. Так, 6 декабря 1846 года по предложению своего наместника Николай I подписал рескрипт о законодательном закреплении земельных владений за высшим мусульманским сословием. Это решение верховной власти России сделало её союзником местную знать. Он заботился не только об образовании кавказских народов, издавая специальные указы, но и многое сделал для укрепления веротерпимости. «Вам хорошо известны мнения и правила мои насчёт веротерпения, — писал он одному из своих военачальников, — и я знаю, что вы сами, так же, как и я, почитаете нашим долгом ни в чём не мешать вероисповеданиям разных подданных Его Величества в здешнем крае, избегать прозелитизма и не позволять распространяться слуху, что мы хотим обращать мусульман в христиан».

Вместе с тем он, православный христианин, понимал опасность исламизации христианского населения на Кавказе, лишённого окормления подготовленных священнослужителей, и потому помог открыть в Ставрополе в 1846 году духовную семинарию, позже — женский пансион, училище Св. Александра, в Тбилиси — учебное заведение Св. Нины, в Эривани — женское благотворительное учебное заведение, в Баку — школу моряков... При нём стали выходить газеты «Кавказ», «Закавказский вестник», литературная газета «Арапат» на армянском языке, «Ставропольские губернские ведомости», «Кавказский календарь»... И всё это было создано за три года: с 1845-го по 1847-й!

Воронцова связывала дружба с патриархом всех армян Нерсесом V, добрые отношения с иерархами православной Грузии.

Имея огромный опыт управления Новороссией и Бессарабией, Воронцов помог создать Кавказское общество сельского хозяйства, поддерживал развитие различных ремёсел, также содействовал, как раньше на юге России, развитию животноводства, садоводства и виноградарства. Отдавая должное развитию экономических связей, Михаил Семёнович поддерживал активные торговые отношения, способствовал строительству дорог, мостов, открытию сообщения между портами Крыма и Кавказа. Много внимания уделял и положению бедных слоёв населения. Немало было сделано и в области реорганизации управления огромной территорией — образование новых губерний: Ставропольской, Дербентской, Кутаисской, Эриванской.

К семидесяти годам у Воронцова пошатнулось здоровье, ему всё труднее стало выполнять обязанности наместника. Его временно, а потом и постоянно заменил друг, выдающийся военачальник А. И. Барятинский, который и взял в плен Шамиля. Кавказ на время замирился.

26 августа 1856 года император присвоил ему давно заслуженное звание генерал-фельдмаршала, а 6 ноября того же года полководца и миротворца Михаила Семёновича Воронцова не стало... Памятники ему были поставлены в Одессе и в Тбилиси. Революция снесла их. Но память о российском подвижнике уничтожить не смогла.